

ФЕЛЬЕТОНЪ

Обзоръ журналовъ.

«Северный Вестник», январь, — «Казанскіе Недѣли», январь.

Въ беллетристическій январской книжки «Севернаго Вестника» наиболее занималіи обращаетъ на себя повѣсть Антона Чехова — «Женя». Рассказъ ведется отъ лица нѣкоего Павла Андреевича, сорокалѣтняго, богатого нотебургскаго чиновника, прѣѣзжающаго жить въ деревню, чтобы заняться литературой по спеціальнымъ вопросамъ. Павелъ Андреевичъ «се сомнѣлся характеромъ» своей жены и, хотя живетъ съ ней въ одномъ дѣлѣ, все же различіе отагалъ и находитъ въ этомъ официальныя отношенія въ ней. Между тѣмъ онъ въ сущности все еще любитъ ее и яра своей одинокой и безрадостной жизни не можетъ не любить этого единственнаго человека, такъ или иначе близкаго къ нему. Разладъ между нимъ и женой произошелъ именно изъ-за несовершеннаго характера — изъ-за того, что Павелъ Андреевичъ любитъ то, что принято называть «стаканомъ» — онъ человекъ въ высшей степени сухой, какъ и въ сущности глубоко меланхолическій. Жена его, напротивъ, является натурой сердечной, искренней, глубоко любящей и симпатичной. Г. Чеховъ съ удивительной историчностью обрисовалъ передъ нами всю різницу между мужемъ и женой и превосходную отсюда изъ вытекающую посылку. Выбралъ исходной точкой своего рассказа именно, которую хотѣлъ сказать осяздывая говорящаго крестьянина Павла Андреевича, г. Чеховъ на этомъ конкретномъ прилѣбъ ясно показываетъ намъ, тѣмъ отличаются люди теоретическаго любия въ близкому отъ людей, дѣйствительно любящихъ своихъ ближнихъ. Павелъ Андреевичъ, признавъ своимъ нравственнымъ долгомъ дѣлать пожертвованіе въ пользу говорящаго и неимѣющую никакую будущую дѣятельность съ жѣною пожить нѣтъ, первымъ долгомъ думать о правильной постановкѣ всего дѣла, о какой-нибудь надлежащей откровенности, о систематической истройной организаціи помощи и пр.— все остальное тому подобнаго выждать, которая хороша, когда задвигаются соответствующее нѣтъ нѣтъ, но которая воспринимать живое и симпатичное дѣло и обращать его въ безжизненную формализацию, когда выдвигать на первый планъ. Между тѣмъ радишь съ нимъ, но совершенно не-

вѣдено для него, жана его услабно организовать въ обширнѣе раздѣлать то самое дѣло, которое у Павла Андреевича не идетъ дальше благихъ перышекъ. Безе всякихъ разсужденій и соображеній, одной силой всережняго, горячаго призыва, она собрала въ своихъ рукахъ массу пожертвованій и неоглаветъ, какъ пожить и уйти. Павелъ Андреевичъ, ознаменовавшись съ веденіемъ дѣла женой, приходитъ въ ужасъ отъ ея неосмотрительности и безпочности — все въ порядке-расходный книга выходящая въ безпорядкѣ, общія нѣдоности некакимъ нѣтъ, деньги принаются и выдвигаются, какъ пошло, безе оторогаго ознакомленія съ нормальными качествами лица, которому выдана дѣловая сумма. Павелъ Андреевичъ беретъся упорознать это безобразное веденіе дѣла, онъ хотѣтъ взять его въ свои омытыя руки, онъ хотѣтъ внести въ него строгую систему, а между тѣмъ жана его не только не приходитъ въ восторгъ отъ его благородныхъ намереній и не только не сѣдиться восполноваться его помощью, а, какъ разе наоборотъ, владаетъ въ самое полное отчаяніе отъ великодушнаго намеренія своего супруга и принается неутѣшно плакать надъ развалинами дорогаго ей дѣла, жалуются, что у нея отпала послѣднее утѣшеніе въ ея безрадостной жизни. И читателямъ нолитъ асам потавы ея неразумнаго поведенія и онъ нолитъ сочувствуютъ этому неразумію и этой болвані, что живое и хорошее дѣло должно погибнуть подъ дуновеніемъ холодной и мерзвощей рутини. Вѣдѣтъ съ этимъ для него становится какъ нельзя лучше понятнымъ тотъ дикій съ перваго взгляда фактъ, что два человека могутъ жить подъ одной кровлей и быть совершенно чуждыми другъ другу, и это еще будучи мужемъ и женой и когда одинъ человекъ тайно любитъ другого и оба таготятся своимъ одиночествомъ. Прочитавша разговоры Павла Андреевича съ женой, мы ясно видимъ, въ чемъ лежитъ пролѣтство, нѣшующее нѣтъ принаренію и допозающее каждый нѣтъ разговоръ, нѣшатель съ жѣною принаренія, де ссоры, еще болѣе удивляющей нѣтъ отношенія. Причина эта заключается въ томъ, что между ними нѣтъ искренности и довѣрія другъ къ другу, т. е. нѣтъ главныхъ образковъ со стороны Павла Андреевича, такъ какъ жана его и не можетъ нѣрять ему, жана его сѣшкомъ хорошо. Павелъ Андреевичъ и въ отношенія къ жѣнѣ вноситъ ту же систематичность и тѣ же теоретическія правила. Онъ, напр., не даетъ ей диспорта и этимъ держитъ ее около себя, потому что боится, что, уйдя, она можетъ нѣшнать ему или совершить его нѣтъ, какъ онъ выражается. Конечно, здѣсь отчасти говорить въ немъ равенствъ, но еще болѣе-

ме узкій его нѣтъ и сознаніе своихъ правъ законнаго супруга. И изъ-за этихъ правъ человекъ держится на призыва и долже жить жизнью лашенной. *Fiat justitia — pereat mundus!*
Къ сожалѣнію, г. Чеховъ и въ «Женѣ» также какъ въ «Душѣ» (гдѣ Фовъ-Коренотевъ изображаетъ Павла Андрееча) не можетъ обойтись безе обращенія своего героя на вынужденный. Ужъ не говори о томъ, что такое обращеніе уменьшаетъ тѣмъ нѣтъ изображенія, такъ какъ составляетъ довольно рѣдкое явленіе, оно въ «Женѣ» (такъ же какъ въ «Душѣ») плохо развито. Мы видимъ, что люда и факты, прежде неимпатичные Павлу Андреечу и возбуждавшіе его негодованіе, вдругъ становятся ему симпатичными и онъ нѣшнать доверять людямъ и другимъ глазами смотрѣтъ на окружающую его жизнь, но мы не видимъ ясно мотивающъ его переизмененія и должамъ во многомъ нѣрять автору на слово. Поэтому мы не можемъ также опредѣлать, какъ долго будетъ Павелъ Андреевичъ идти по новому пути, и въ этомъ отношеніи можетъ нолитъ прасодвинуться къ заключительнымъ словамъ повѣсти и сказать, нѣшѣтъ съ ея героями: «что будетъ дальше, мы не знаемъ».
Но эта неопредѣленность конца не нѣшнать, однако, ясною изображеніемъ типа «головоного человека», человека, у котораго «душа не находится», вь этомъ героя формализма стоитъ передъ нами, какъ живой, и мы несомненно должимъ сожалѣть, что это — одинъ изъ героев нашего времени.
Далѣе въ январской книжкѣ «Севернаго Вестника» очень интересно начало дневника Маріи Башкирцевой, русской художницы, умершей за границей 23 янв. 23 лѣтъ отъ чалотки. Ея дневникъ, написанный по французски, осмучилъ всенаріую извѣстность и слава его автора за границей весьма велика. Во Франціи, среди молодыхъ писателей, установился даже культъ «культъ Башкирцевой» и объ этомъ нѣтъ на Башкирцеву западной публики, читатель можетъ найти интересныя подробности въ январской книжкѣ «Недѣли». Русской публикѣ дневникъ Башкирцевой также достаточно извѣстенъ, хотя дѣлкомъ переводится, кажется, въ первый разъ. Онъ представляетъ, дѣйствительно, въ высшей степени характерное и интересное произведеніе, и, хотя онъ написанъ въ позанѣтъ только за 2 года — 1878 и 1874 гг., когда Башкирцевой было всего 12—13 лѣтъ, но и въ этой частіи ярко обрисовывается эта необыкновенная и въ тоже время очень типичная личность. Очень много изъ читатель и въ особенности изъ читательницъ узна-

ють в днівникі Башкирцевой чорти в чутства, звичайно шть по наблюдению надъ сабою. Главныи двигатели всѣхъ мыслей, побуждений и мечтаній Башкирцевой, основой всего ея существованія являються самопоклоненіе, доведенное до послѣднихъ предѣловъ. Ден нея не существуютъ ничего въ ширѣ, повинно ея личности, и все приобретаетъ значеніе только по отношенію къ ней. Она смотритъ съ презрѣніемъ не только на всѣхъ окружающихъ ее людей, но и вообще на всю вселенную. Она пишетъ много откровенно (откровенность есть лучшее качество ея дневника и она то и дала ему все его значеніе): «Къ счастью или къ несчастію, но я вижу въ себѣ такое сокровище, котораго никто недостойнъ, и на тѣхъ, кто смѣетъ поднимать глаза на такое сокровище, я смотрю, какъ на людей однихъ достоинствъ жалости... Я смотрю на людей съ такой высоты, что кажутся мнѣ весьма малой, потому что нельзя даже презирать людей, которые выходятъ такъ низко. Я смотрю на нихъ, какъ замѣть смотрѣлъ бы на мышей»...

И въ этомъ безграничномъ порѣ эгоизма мы не видимъ нагдѣ на нагдѣшнихъ признаковъ другога, боже человѣческаго отношенія къ людямъ. Если Башкирцева и вспоминаетъ иногда о другахъ, то именно такъ, какъ существо высшей породы иногда удостаиваетъ своихъ прерогативами поглядомъ на чужое созданіе, кончающееся у его ногъ. «Мамія величїа», овладѣвшая Башкирцевой уже чуть не съ полубеломъ, развивалась и поддерживалась въ ней всей обстановкой ея жизни. Она говоритъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ я созила себя—съ трагическаго возраста, всѣ мои мысли и стремленія были направлены къ какому-то величію. Мои кулакъ были всегда королеви и королевани, все о чемъ и сама думала и все, что говорилось вжругъ моей матери—все это, казалось мнѣ какое-то отношеніе къ этому величію, которое должно было неизбежно прійти». — «Быть пировой знаменитостью» — вотъ самая заветная мечта Башкирцевой, и все, начиная съ пророчества гадальщицы еврея ея матери, укрѣпляло ее въ этой мечтѣ. Всѣ окружающіе восторгались ею: «мы проводимъ день въ восхищеніяхъ „живомъ“, скроиво отличаетъ она въ своихъ дневникѣхъ. Ви почти обмѣли въ вначительной степеніи—она стала пировой знаменитостью, хотя неизвестно на долго-ли. У насъ хватало для этого ея необыкновенныхъ способностей, но вѣдь тѣмъ и интересна Башкирцева, то и далю ей ея славу, что она не одна въ своемъ родѣ, что она не составляетъ какого-то страннаго исключенія между дочерьми Евы, в средѣ насъ есть много маленькихъ Башкирцевыхъ, съ претен-

зіями, поэти равныя ей мечтанъ, но безъ ея правъ на эти претензіи.

Недостатокъ нѣста не даетъ намъ возможности болѣе подробно рассмотреть такой любопытный «человѣчскій документъ», какъ «дневникъ Башкирцевой», но мы надѣемся еще возвратиться къ нему.

Затѣмъ въ *Смо. Вѣст.* любознатель еще переводъ нѣкимъ англійскаго поэта-философа Эдвина Арнольда (автора нѣкоторой поэмы *Сонетъ Адамъ*)—*Тамъа смерти*, прекрасно исполненный г. Юрискимъ. Поэма эта посвящена мнѣ съ упоминаніемъ нѣкоторыхъ брашноу и смерти, согласимыя съ теоріей пантеизма.

Изъ остальныхъ статей *Смо. Вѣ.* отбѣтитъ начитно интересной лекціи г. Ягубовича «Сравненіе лики у дѣтей и оосности отъ насъ для взрослыхъ». Лекція эта была прочитана въ Петербургѣ въ пользу голодающихъ и содержание ея было уже приведено краткѣ въ нашей газетѣ.

Въ нѣварской «Книжкѣ Недѣль» на первомъ нѣтомѣ помѣщена статья Д. Толстого «Помощь голодающимъ». Д. Толстой подробно рассказываетъ о своемъ посѣщеніи въ припѣшеніяхъ пострадавшихъ отъ нѣмѣнъ и неурожая кѣстностей Тульской губерніи. Выводы, къ которымъ онъ приходитъ, также отчасти известны читателямъ «В. В.» Крестьянскія неурожайства, по нѣмѣю Д. Толстого, нѣтъюгъ своимъ источникомъ не однако неурожая нѣмѣннаго года, а нѣмѣюмъ «дѣлами радостъ давно уже дѣйствующихъ, какъ внутреннею, такъ и внѣшнюю условій». «Въ каждой нѣоти совѣтъ своя отдѣльная причина (бѣдности) гораздо значительнѣе бѣды—неурожая нѣмѣннаго года». Всѣ совѣты дореволюнскія неудачивыи всегда въ такомъ-же положеніи, какъ в нѣмѣю, въ хорошіи годѣ только помочи болѣе. Что касается до отношенія къ народному горю съ нашей стороны, то Д. Толстой насъ придаетъ знаніемъ формальной внѣшней сторонѣ дѣла и все вниманіе обращаетъ на внутреннее отношеніе человека къ дѣлу—на любовь, которую тотъ способенъ проявить. Онъ утверждаетъ, что только, отворившись отъ задачи разурѣшенія внѣшнихъ вопросовъ и соросавъ самого себя, «какъ нѣтъ прожить наилучшимъ образомъ въ этотъ годъ тяжелаго нѣмѣтанія», человекъ можетъ найти разурѣшеніе вопроса о помочи съ его стороны голодающимъ, потому что: «я могу только одно: пока я живу—свои силы употребить на служеніе своимъ братьямъ, считая своихъ братьевъ всѣхъ безъ исключенія». Затѣмъ любонная дѣятельность важна еще тѣмъ, что она «заразительна». Дѣятельность чѣмъ-ли, выражающаяся даровой раздачей,

по росписаніямъ и спискамъ, гдѣба и денегъ, вымысловъ самыхъ дурныхъ чувствъ: жадность, зависть, притворство, осужденіе; дѣятельность личная вынужденность, наврѣтливъ, лучшее чувство, любовь и желаніе жертвы». Во всемъ этомъ много правды и нельзя не признавать, что среди людей часто формальнаго нѣмѣтанъ на жизнь, подобныи горю вынужденности новѣсти г. Чегова и людей, исключительное нѣмѣтанъ самолюбивымъ, гомель Д. Толстого звучитъ очень синхронично, применимо.

Далѣе интересна статья проф. Ковалевскаго Людвигъ II, король Вѣмарскій, подробно описывающая жизнь и притуды этого несчастнаго короля, какъ нѣмѣтанъ, нѣмѣюмо съ удивленіемъ и нѣмѣюмо погубившаго въ озерѣ Штерабергѣ. Личность Людвигъ была окружена поэтическимъ ореоломъ, благодаря его трагической смерти, по г. Ковалевскій, тотъ и самъ только увлекается Людвигомъ, жо-жо очень увеличенность его ореолъ своимъ описаніемъ кончуетъ Людвигъ. Самой худшей изъ нѣмѣюмо была страсть къ градознившимъ постройкамъ. За 20 лѣтъ своего правленія Людвигъ застроилъ Вѣмарскіи дворцани и замки и нѣмѣюмо въ повелѣтніи долги. Къ своимъ приближеннымъ Людвигъ относился крайне коровно и большой частью очень нѣмѣюмо, даже балъ нѣмѣюмо, и нѣмѣюмо приказывалъ сказать въ тѣрѣю или казать, что, конечно, не приводилось въ исполненіе. Образъ жизни онъ воли самый странный—жилъ въ вѣнѣюмо и нѣмѣюмо уединеніи и то катался въ озерѣ, устрѣмляющъ на крики своего замка, то ѣздилъ въ горы на скакать. одѣтій горными духомъ, притомъ насъ рабочихъ содержались для правденія въ порядокъ дороги и т. п.

Въ заключеніи отбѣтитъ очеркъ г. Дѣдова «Въ переселенческой конторѣ», подробно описывающей тѣмъ переселенчество в степи въ конторѣ. Относительно причинъ переселенія г. Дѣдовъ гомѣюмо изъ насъ видеть въ томъ, что «въ отношенія внѣшней культуры саросеннаи русскій крестьянинъ стоитъ на рубежѣ нѣмѣюмо состоянія и цивилизаціи, отсталъ отъ пераго и не пристра въ второй». Онъ не убѣюмо правденія къ новой культурѣ, которую требуютъ отъ него истощенная земля, и бѣжеть на традиціи земель искать новой. Между тѣмъ на его нѣмѣюмо садятся другіе болѣе культурные люди живутъ гораздо лучше, чѣмъ переселенцы въ своей Палестинѣ, которая болѣеюмо частью оказывается хуже старыи нѣмѣюмо.

И. Перцовъ.